

ПОСТФИГУРАТИВНЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЮНОШЕСТВА: ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНОГО ИЗМЕРЕНИЯ ³²

© Садретдинова Эвеллина Винеровна,

© Коровкина Наталья Владимировна,

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»,
г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены некоторые результаты социологического исследования юношества «Кто Я? Кто Мы? в юности», проведенного в ноябре 2023 - марте 2024 гг. методом онлайн-анкетирования в шести регионах Российской Федерации (Архангельская, Волгоградская и Тюменская области, Республики Башкортостан, Бурятия, Удмуртия). Объект исследования – юношество как период самоопределения и определения себя в обществе. Предметной областью изучения выступает анализ ценностных оснований конструирования идентичности. Авторы рассматривают влияние постфигуративных (основанных на опыте предшествующих поколений) ценностных факторов-детерминант в структуре идентичности современного юношества. Выявлены четыре группы ценностных оснований конструирования идентичности современного юношества по степени ослабления значимости: первая группа – семейные ценности и традиции собственной семьи; вторая группа – общечеловеческие ценности, родственные и общероссийские традиции; третья группа – обычаи и традиции своей этногруппы, традиции малой родины и региона (области, республики); четвертая группа – профессиональный опыт и традиции предшествующих поколений, религиозные и межэтнические (славянские, тюркские, угро-финские) традиции. Охарактеризованы региональные, этнические, поселенческие, гендерные и возрастные особенности представлений юношества по проблемам формирования идентичности. Обосновано, что в настоящее время под влиянием геополитических вызовов и в связи с активизацией действий российского государства в системе идентичности юношества усиливаются процессы укрепления общероссийской идентичности при одновременном снижении значимости этнического фактора в идентификации. Гендерные различия по большинству оснований-детерминант идентичности проявляются в характеристиках оценок значимости тех или иных оснований. Девушки более склонны к «мягким» оценкам значимости большинства факторов-детерминант по принципу «имеет значение, но не самое большое», тогда как юноши чаще демонстрируют «жесткие» оценки: одно и то же основание или «имеет первостепенное значение», или «не имеет значения вообще». Сельское юношество более привержено традиционным ценностям, ориентировано на сохранение социокультурных образцов в паттернах социального поведения. Охарактеризованы сферы жизнедеятельности, в которых юноши и девушки ориентируются на опыт предыдущих поколений, а также сферы, в которых юношество предпочитает преимущественно накапливать и транслировать собственный опыт, поскольку опыт прошлого утрачивает свою значимость.

³² **Для цитирования:** Садретдинова Э.В., Коровкина Н.В. Постфигуративные ценностные основания идентичности современного юношества: опыт регионального измерения // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024. №.4. С. 383-399. DOI 10.47309/2713-2358-2024-4-383-399

Ключевые слова: юношество, идентичность, Я-концепция, ценностные основания идентичности.

POST-FIGURATIVE VALUE FOUNDATIONS OF THE IDENTITY OF MODERN YOUTH: THE EXPERIENCE OF THE REGIONAL DIMENSION

© Sadretdinova Evellina Vinerovna

© Korovkina Natalya Vladimirovna

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

Summary. The article presents some results of the sociological study of young people "Who Am I? Who Are We? in Youth", conducted in November 2023 - March 2024 using the online survey method in six regions of the Russian Federation (Arkhangelsk, Volgograd and Tyumen regions, the Republics of Bashkortostan, Buryatia, Udmurtia). The object of the study is youth as a period of self-determination and self-determination in society. The subject area of the study is the analysis of the value bases of identity construction. The authors consider the influence of post-figurative (based on the experience of previous generations) value determinants in the identity structure of modern youth. Four groups of value foundations for constructing the identity of modern youth are identified according to the degree of weakening of significance: the first group is family values and traditions of one's own family; the second group is universal values, family and all-Russian traditions; the third group – customs and traditions of one's ethnic group, traditions of one's small homeland and region (oblast, republic); the fourth group – professional experience and traditions of previous generations, religious and interethnic (Slavic, Turkic, Finno-Ugric) traditions. The regional, ethnic, settlement, gender and age features of youth perceptions on the problems of identity formation are characterized. It is substantiated that currently, under the influence of geopolitical challenges and in connection with the intensification of the actions of the Russian state, the processes of strengthening the all-Russian identity are intensifying in the youth identity system, while the significance of the ethnic factor in identification is simultaneously decreasing. Gender differences in most of the determinants of identity are manifested in the characteristics of the assessments of the significance of certain grounds. Girls are more inclined to "soft" assessments of the significance of most determinant factors according to the principle of "matters, but not the greatest", while young men more often demonstrate "hard" assessments: the same ground either "matters of primary importance" or "does not matter at all". Rural youth are more committed to traditional values and are focused on preserving socio-cultural patterns in patterns of social behavior. The spheres of life in which young men and women are guided by the experience of previous generations are characterized, as well as the spheres in which young people prefer to accumulate and transmit their own experience, since the experience of the past loses its significance.

Key words: youth, identity, self-concept, value bases of identity.

Введение. Юность (16-21 год) – особый период в жизни человека. В отличие от более старших групп молодежи и, тем более, поколений взрослых, юношество только начинает свой жизненный путь. В широком значении, это период самоопределения («Я-концепция») и определения себя в обществе («Мы-концепции»). Результатом указанных процессов становится конструирование системы идентичности. То, что закладывается в юности, определяет дальнейшую траекторию социальной идентификации и поведенческих практик человека в средней и поздней молодости, а также в старшем возрасте [1].

При этом современные исследователи отмечают наличие методологических сложностей в концептуализации понятий «идентичность», «социальная идентичность», которые зачастую используются как тождественные категориям Я- и Мы-концепции, образов «Я», «мы» и «Они», самоконцепции [2].

В общем понимании, идентичность включает в себя две основные подсистемы: личностную (физическую, интеллектуальную, нравственную) и групповую / социальную идентичность (этническую, профессиональную и пр.), формирующуюся в процессе осознания и переживания человеком своей принадлежности к тем или иным социальным группам [3].

На протяжении длительного времени процессы социализации и идентификации юношества были основаны на практиках интериоризации знаний, опыта и традиций предшествующих поколений во всех областях жизнедеятельности (постфигуративный тип культуры). Однако в современном обществе, для которого характерны непрерывные социокультурные, социально-экономические, геополитические и информационно-коммуникативные изменения, вызывает сомнения возможность и необходимость традиционных постфигуративных механизмов социализации и идентификации. В условиях информационного общества агенты влияния на личность трансформируются от малых групп до «воображаемых сообществ», существование которых становится возможным благодаря развитию системы коммуникаций. Одним из аспектов проблемы выступает возможность «пересмотра» индивидами ценностей, усвоенных ранее на этапе первичной социализации, в условиях влияния множества референтных групп [4].

Существует представление, что в современном мире идентичность должна рассматриваться в контексте процессуального подхода, так как ее формирование и поиск происходят на протяжении всей жизни под воздействием возрастающего спектра ценностных оснований, которые могут находиться между собой в состоянии конфликта [5]. При этом не вызывает сомнений аксиологическая доминанта идентичности: именно ценности создают феномен, при котором человек осуществляет самоопределение, осознает свою принадлежность к социальной общности и принимает для себя ее социокультурные основания [6].

В этих условиях, современных людей характеризует контекстуально-лабильная идентичность, являющаяся результатом идентификации как непрерывного процесса, осуществляемого на протяжении всей жизни под влиянием социальных изменений [1]. Юношество, в силу своих психологических, социально-статусных и возрастных особенностей (маргинальность статусных позиций, формирование и неустойчивость ценностных ориентаций, высокий потенциал мобильности), тем более подвержено влиянию социальных и социокультурных изменений. В связи с этим вызывают научный интерес вопросы значимости тех или иных оснований самоидентификации, социальной идентификации и идентичности в представлениях юношества.

Цель исследования: оценка влияния традиционных постфигуративных ценностных оснований («корней», сближающих с опытом, традициями предшествующих поколений) на формирование идентичности современного юношества.

Материалы и методы. Статья основана на результатах опроса юношества «Кто Я? Кто Мы? в юности», проведенного в ноябре 2023 – марте 2024 гг. методом онлайн-анкетирования в шести регионах РФ. Всего опрошено 3081 респондент, из них: в Архангельской области – 401, Республике Башкортостан – 1020, Республике Бурятия – 507, Волгоградской области – 411, Тюменской области – 499, Республике Удмуртия – 243. Из числа общей выборки опрошены: юноши – 35,2%, девушки – 64,8%. Подвыборки по возрасту: от 16 до 18 лет – 44,3%, от 19 до 21 года – 55,7%. Подвыборки по типу поселения: город (включая поселки в пределах городского округа) – 96,1%, село – 3,9%. Учитывая, что большинство опрошенных в силу возраста являются студентами и в настоящее время проживают по месту учебы (преимущественно в городах), респондентам был задан дополнительный уточняющий вопрос о месте жительства 5 лет назад. Результаты показали, что 71,5% проживали в городе (включая поселки в пределах городского округа), а 28,5% - в сельской местности.

В статье более подробно анализируются результаты опроса «Кто Я? Кто Мы? в юности» по Республике Башкортостан (опрошено 1020 респондентов). Подвыборки по полу: юноши – 23,4%, девушки – 76,6%. Подвыборки по возрасту: от 16 до 18 лет – 36,1%, от 19 до 21 года – 63,9%. Подвыборки по типу поселения: город (включая поселки в пределах городского округа) – 96,4%, село – 3,6%. 5 лет назад проживали в городе (включая поселки в пределах городского округа) – 69,1%, в сельской местности – 30,9%.

Результаты исследования. Исходя из представления о том, что люди пребывают в ценностном мире, и их восприятие, представления, действия определяются социокультурными ценностными смыслами, обусловленными культурно-исторически традициями, этническими обычаями, воспитанием, особенностями социализации [7], в ходе исследования респондентам был предложен вопрос «Есть такое выражение – «человек с корнями». Эти «корни» связывают нас с предшествующими поколениями (с их традициями, культурой), определяя наши «Я». Какие «корни» для Вас имеют то или иное значение?». Опрашиваемым предлагалось оценить связь с различными социальными общностями, их ценностями как «первостепенную», «второстепенную» или «не имеющую значения». Соответственно, можно предположить, какое место в идентичности современного юношества занимают постфигуративные (основанные на опыте прошлых поколений) и кофигуративные (основанные на настоящем, собственном опыте юношества) ценностные основания. Кроме того, можно выделить, в каких сферах жизнедеятельности юноши и девушки ориентируются на опыт предыдущих поколений, а в каких – предпочитают

преимущественно накапливать собственный опыт, поскольку опыт прошлого утрачивает свою значимость.

Таблица 1 – Есть такое выражение – «человек с корнями». Эти «корни» связывают нас с предшествующими поколениями (с их традициями, культурой), определяя наши «Я». Какие «корни» для Вас имеют то или иное значение?, в %, 2023-2024, (распределение по выборке в целом)

Постфигуративные основания идентичности	Первостепенное значение	Второстепенное значение	Не имеют значения
Семейные корни	75,5	14,6	9,9
Родственные (кроме семьи) корни	40,9	46,5	12,6
Общечеловеческие корни	50,0	30,1	19,9
Корни малой родины	32,9	45,5	21,5
Российские корни	39,5	37,1	23,4
Корни моего региона	27,5	45,0	27,5
Национальные (этнические) корни	31,3	40,0	28,7
Профессиональные корни	25,1	40,3	34,7
Межнациональные (межэтнические) корни	20,7	40,8	38,5
Религиозные корни	22,6	32,5	44,9

Источник: результаты онлайн-опроса юношества «Кто Я? Кто Мы? в юности» (ноябрь 2023 – март 2024 гг.)

Результаты опроса показывают, что с точки зрения конструирующего и регулятивного воздействия постфигуративные основания идентичности современного юношества можно разделить на четыре группы по степени ослабления значимости: первая группа – семейные корни (ценности и опыт собственной семьи) (обладают первостепенным значением для 75,5% опрошенных); вторая группа – общечеловеческие корни (50,0%), родственные (40,9%) и российские (39,5%) корни; третья группа – обычаи и традиции своей этногруппы (31,3%), традиции малой родины (32,9%) и региона (области, республики) (27,5%); четвертая группа – профессиональные традиции (25,1%), религиозные (22,6%) и межэтнические (славянские, тюркские, угро-финские) (20,7%) корни.

Так, три четверти опрошенных (75,5%) наиболее значимой считают свою связь с семьей, ее традициями и культурой. Эти данные подтверждаются многочисленными исследованиями, в ходе которых россияне обозначают семью как наивысшую ценность, а семейные идентичности являются наиболее актуализированными в идентификационной матрице абсолютного большинства, поскольку семья связана, в первую очередь, с потребностями в безопасности, взаимной поддержке [8], глубокой эмоциональной связи [9], характеризуется высоким уровнем доверия между ее членами [10]. Именно в семье происходит процесс первичной социализации личности, формируются социальные

установки и система ценностей, которые выступают фундаментом каждой личности на протяжении всей жизни.

Реже всего о том, что семейные корни не имеют значения, говорили жители Волгоградской и Архангельской областей (7,1% и 7,5% соответственно), самая высокая доля подобных ответов – среди жителей Тюменской области (12,6%) и Бурятии (12,4%). Во всех регионах, исключая Волгоградскую область, мужчины несколько чаще, чем женщины, заявляли об отсутствии для них значимости семейных корней.

Каждый второй опрошенный представитель юношества в числе корней первостепенной значимости назвал общечеловеческие, что может указывать на признание норм и ценностей гуманности, независимо от принадлежности к определенной культуре. С другой стороны, подобный показатель может отражать влияние процессов глобализации и развития информационно-коммуникативных технологий, сопровождающихся унификацией и фрагментацией традиционных культур и социокультурных норм. На третьем месте по оценке «первостепенные» находятся родственные корни. Стоит отметить, что список значимых для россиян корней по сумме вариантов «первостепенное» и «второстепенное» остается таким же, однако родственные связи занимают более высокую позицию, чем общечеловеческие, что в очередной раз подчеркивает первичную значимость семьи в широком смысле этого слова для каждого.

Почти в одинаковой степени важны для респондентов корни малой родины и российские, однако последние лидируют по первостепенным оценкам (39,5% против 32,9%). Это можно объяснить и геополитическими вызовами последних лет, обусловивших снижение в среде юношества номинального, индифферентного отношения к концептам «Россия», «российская идентичность» [1,11], и усилиями российского государства, приоритетом национальной политики которого выступает формирование и укрепление общероссийской идентичности, укрепление гражданского единства. Интересно, что ряд исследований связывают укрепление общероссийской идентичности не только с внешнеполитическим давлением на российское государство и общество в последние годы [10], но и с тем, что ведущими аксиологическими основаниями российской идентичности выступают общечеловеческие (общие моральные) ценности [11], активно поддерживаемые юношеством.

О значимости связи с малой родиной чаще говорили жители Архангельской области, Бурятии и Волгоградской области, при этом жители этих двух областей выше других оценили и значимость российской идентичности в системе идентичности, в то время как юношество Республики Башкортостан чаще респондентов из других субъектов Российской Федерации указывало на отсутствие значимости этого концепта в Я-концепции (28,1% против 16,5% в Волгоградской области и 23,4% в целом по выборке).

Этнические и региональные корни, в представлениях юношества, занимают практически равные позиции в социальном фундаменте личности. Примерно треть молодых людей в целом по выборке называют эти основания идентификации обладающими первостепенным значением (31,3% – этническую идентификацию, 27,5% – региональную идентификацию). Связь с регионом выше всего оценивают жители Архангельской области, ниже всего – в Удмуртии, так, лишь 18,5% первых заявили, что «корни», традиции региона не имеют для них значения, в то время как среди вторых этот показатель в два раза выше и составляет 37,9%. Жители Удмуртии также реже других говорили о важности для них связи с малой родиной.

Замыкают социальный «рейтинг» профессиональные, межэтнические (славянские, тюркские, угро-финские и др.) и религиозные традиции как основания идентичности. Наибольшее падение значимости в представлениях юношества занимают религиозные обычаи и традиции. О том, что не рассматривают религию в качестве идентифицирующего фактора, заявили 44,9% опрошенных в целом по выборке. Это вполне согласуется с общемировыми тенденциями ослабления влияния религиозного фактора на паттерны поведения современных людей. Кроме того, российское общество в XX в. (советский период) переживало активный период секуляризации сознания, религиозные обычаи и традиции даже если и поддерживались, то преимущественно в форме традиционных, но не ценностно-рациональных действий. Наименьшее ослабление значимости религиозного фактора в системе идентичности юношества зафиксировано в Бурятии (где 36,9% молодых людей отметили отсутствие значимости религиозного фактора), что, возможно, объясняется особым влиянием традиционного для данного региона буддизма, благодаря которому удовлетворенность своей принадлежностью к конфессиональной группе детерминирует формирование и укрепление «Мы-концепции» в широком смысле (и с другими социальными группами) [12].

Однако в целом в большинстве регионов каждый четвертый-пятый представитель юношества считает влияние религиозного фактора первостепенным. Исключение здесь составляют молодые жители Удмуртии, где первостепенное влияние религии на процессы своей идентификации отметили лишь 9,5%. Возможно, это связано с традиционными языческими верованиями, длительное время сохранявшимися среди удмуртов. В настоящее время, в условиях доминирования научного типа мировоззрения, языческие представления о божествах неба, плодородия и погодных условий, естественно, утрачивают свое значение.

Ответ о межэтнических (тюркских, славянских, угро-финских) корнях наименее популярным стал в Башкортостане – 42,5% респондентов отказались признать их значимость, в то время как средний по выборке показатель составил 38,5%. Возможно, это можно объяснить тем, что если национальные обычаи и традиции сохраняют свою определенную значимость во многом благодаря

практикам повседневно-бытовой коммуникации, межпоколенному общению не только в семье, но и с земляками, на малой родине; общероссийская идентичность укрепляется усилиями государства, то межэтнические традиции – это, скорее, категория, используемая в научных дискуссиях, а не в практиках «живого» общения людей.

В целом опрос показал, что процессы идентификации современного юношества (в целом по выборке) характеризуются, в первую очередь, отказом от религиозных (44,9%), межэтнических (38,5%) и профессиональных (34,7%) обычаев и традиций. Говоря о снижении значимости профессиональных факторов-детерминант в процессах идентификации, отметим, что, на наш взгляд, это обусловлено общей динамикой структуры экономики и рынка труда, появлением новых видов профессиональной деятельности, процессами автоматизации и информатизации, когда накопленный предшествующими поколениями профессиональный опыт просто утрачивает актуальность в современных условиях. Это подтверждается тем обстоятельством, что во всех исследуемых регионах, по мере взросления и выхода на рынок труда увеличивается доля молодых людей, полагающих, что профессиональные обычаи и традиции не имеют значения для юношества (30,7% среди 16-18-летних против 37,8% среди 19-21-летних в целом по выборке). Кроме того, заметим, что ведущим типом мотивации при определении профессиональных позиций является мотивация саморазвития, ориентация на репутацию и власть [13], что предполагает ориентацию на опыт настоящего и будущего, а не прошлого [2,14,15].

Говоря о гендерных различиях, отметим, что во всех регионах они проявляются, начиная с оценки значимости факторов семьи и родства. Характерно, что девушки несколько в большей мере, нежели юноши, ориентированы на связи и традиции малой, нуклеарной, неолокальной семьи: 76,4% девушек считают их первостепенными; среди юношей таковых – 73,8% (в целом по выборке). Исключение в этом отношении составляет только Удмуртия, где значимость связей в малой нуклеарной семье признается одинаково важной как девушками, так и юношами. Что касается поддержания связей, традиций среди более широкого круга родственников, они во всех регионах гораздо более значимыми признаются юношами (46,4% среди юношей против 37,9% среди девушек). Объяснение сложившихся различий можно связать со следующими обстоятельствами. Во-первых, в условиях устоявшихся традиций патрилинеальности семейных структур в российском обществе, мужчины, вероятно, действительно чаще идентифицируют себя не только с малыми семейными группами, но и с родом («глава рода», «последний в роду» и пр.). Во-вторых, учитывая высокий уровень разводов в современной России и доминирующие практики оставления детей с матерью после развода, очевидно, что прежде всего женщины являются своеобразной основой малых нуклеарных семей.

Кроме того, все виды связей, кроме семейных, девушки несколько чаще, чем юноши, оценивают как не имеющие значения. Различия в оценке достигают максимума в отношении профессиональных корней, которые отрицают 38,1% женщин и 28,3% мужчин (в целом по выборке). Подобная тенденция свидетельствует о сохранении среди части юношества традиционного осмысления социальных ролей мужчин и женщин, в соответствии с которым женщины в большей степени ориентированы на семью, тогда как мужчины – на самореализацию и карьерные достижения.

Существенных возрастных различий в ответах респондентов в целом по выборке не отмечено. Исключение составляют отношение к семейным и профессиональным обычаям и традициям. В первом случае в большинстве исследуемых регионов по мере увеличения возраста опрошенных молодых людей отмечается повышение значимости роли семьи, семейных традиций в формировании идентичности (73,0% среди 16-18-летних, 77,4% среди 19-21-летних). Возможно, это можно связать с особенностями процесса социализации. Как известно, в подростковом и раннем юношеском возрасте влияние родителей, бабушек и дедушек в качестве ведущих агентов социализации может ослабевать в связи с появлением иных социализирующих акторов (сверстников, СМК и др.). Однако в последующем значимость родительского влияния может снова возрасти. К тому же, обеспечение онтологической безопасности системы идентичности требует устойчивых оснований идентификации, а таковыми в современном обществе по-прежнему выступают примарные, близкие связи, которые обеспечивает прежде всего семья.

Что касается профессиональных традиций в качестве компонента идентификационной матрицы, мы уже отметили как общее снижение значимости этого показателя в среде юношества, так и последующее сокращение его влияния по мере взросления, что обусловлено структурной перестройкой экономики и изменениями на рынке труда.

Молодые люди, проживающие в сельской местности, демонстрируют более высокую приверженность традиционным ценностям, нежели горожане: они реже заявляют об отсутствии значимости для них семейных и родственных связей, чаще утверждают важность для них корней малой родины (84,9% у сельчан против 75,9% у горожан), региона (78,1% и 70,3% соответственно), религии (62,5% и 52,1%), а также этнических обычаев и традиций (75,5% и 69,6%).

Обратимся к этническим различиям в восприятии постфигуративных оснований идентичности в исследуемых регионах. Самая высокая значимость семейных и родственных корней (более 90%) обнаруживается у башкир и удмуртов, которые также проявляют значительную связь с малой родиной и своим регионом. Религиозные (более 70%) и этнические корни (более 80%) наиболее активно отмечали буряты и башкиры (общая доля в выборке – 55,1% и 71,3% соответственно). Респонденты с множественной (двойной/тройной)

этнической идентичностью особенно часто говорили о том, что религиозные корни не имеют для них значения (54,2%). Напротив, представители этой группы, как и опрошенные, не указавшие свою национальность, несколько чаще, чем в целом по выборке, отмечали значимость общероссийских оснований идентичности.

Перейдем к рассмотрению основных региональных особенностей функционирования социального фундамента личности, отражающего ее связи с прошлым, своим народом и его культурой, на примере полиэтничного Башкортостана.

Таблица 2 – Есть такое выражение – «человек с корнями». Эти «корни» связывают нас с предшествующими поколениями (с их традициями, культурой), определяя наши «Я». Какие «корни» для Вас имеют то или иное значение?, в%, 2023-2024, (распределение по Республике Башкортостан)

Постифигуративные основания идентичности	Первостепенное значение	Второстепенное значение	Не имеют значения
Семейные корни	77,3	13,0	9,7
Родственные (кроме семьи) корни	39,9	47,6	12,5
Общечеловеческие корни	48,2	30,1	21,7
Корни малой родины	27,8	48,8	23,3
Российские корни	32,5	39,3	28,1
Национальные (этнические) корни	28,7	42,5	28,7
Корни моего региона	24,3	46,3	29,4
Профессиональные корни	21,7	39,3	39,0
Межнациональные (межэтнические) корни	17,0	40,6	42,5
Религиозные корни	19,7	34,6	45,7

Источник: результаты онлайн-опроса юношества «Кто Я? Кто Мы? в юности» по Республике Башкортостан (ноябрь 2023 – март 2024 гг.)

Результаты распределения значимых для юношества Башкортостана постфигуративных оснований идентичности в существенной степени отражают ответы на вопрос в целом по выборке, включающей все шесть регионов. Подавляющее число молодых респондентов признают значимость для них семейных корней в широком смысле этого слова, включая всех родственников. Можно отметить, что в республике вариант «корни моего региона» получил более низкую оценку по степени значимости, поэтому этнические корни заняли позицию выше. Вероятно, на полученные результаты может оказывать влияние исторически сложившийся полиэтничный и поликультурный состав населения Башкортостана, где 93,2% жителей составляют представители трех этносов: русские (37,5%), башкиры (31,5%) и татары (24,2%). Разновременность включения представителей крупнейших этносов в процессы урбанизации, неравномерность расселения этносов по территории республики, наличие этнически гомогенных поселений (особенно в сельской местности), а также

социокультурные различия обусловили сохранение высокой значимости этнических детерминант в процессе идентификации.

Также отметим, что значимость этнической идентификации в системе идентичности несколько ослабляет позиции общероссийской идентификации у юношества Башкортостана, где значимость российских корней признают 71,9% опрошенных против 76,6% в общей выборке.

Таблица 3 – Есть такое выражение – «человек с корнями». Эти «корни» связывают нас с предшествующими поколениями (с их традициями, культурой), определяя наши «Я». Какие «корни» для Вас имеют то или иное значение?, в%, 2023-2024, (распределение по полу в Республике Башкортостан)

Постиfigurативные основания идентичности	Девушки			Юноши		
	Первостепенное значение	Второстепенное значение	Не имеют значения	Первостепенное значение	Второстепенное значение	Не имеют значения
Семейные корни	78,5	12,4	9,1	73,2	15,1	11,7
Родственные (кроме семьи) корни	39,7	48,5	11,8	40,6	44,8	14,6
Общечеловеческие корни	46,6	31,2	22,2	53,6	26,4	20,1
Корни малой родины	26,4	50,8	22,8	32,6	42,3	25,1
Российские корни	31,6	39,6	28,8	35,6	38,5	25,9
Национальные (этнические) корни	27,1	44,7	28,2	33,9	35,6	30,5
Корни моего региона	22,8	47,8	29,4	29,3	41,4	29,3
Профессиональные корни	20,2	40,1	39,7	26,4	36,8	36,8
Межнациональные (межэтнические) корни	14,0	42,4	43,7	26,8	34,7	38,5
Религиозные корни	19,1	35,3	45,6	21,8	32,2	46,0

Источник: результаты онлайн-опроса юношества «Кто Я? Кто Мы? в юности» по Республике Башкортостан (ноябрь 2023 – март 2024 гг.)

Девушки несколько чаще, чем мужчины, говорят о ценности для них семейных и родственных связей. Опрошенные в Башкортостане молодые женщины несколько чаще, чем мужчины, отмечали важность для них этнических корней и малой родины. Практически нивелированы гендерные различия в оценке профессиональных корней жителями Башкортостана. Вместе с тем, обращает внимание, что гендерные различия по большинству показателей-детерминант идентичности проявляются, скорее, не в том, что какие-либо основания идентичности представляются более значимым юношам или девушкам, а в «жесткости» или «мягкости» оценок значимости. Девушки более склонны к «мягким» оценкам значимости большинства факторов-детерминант по принципу «имеет значение, но не самое большое», тогда как юноши чаще

выбирают полярные оценки: один и тот же показатель или «имеет первостепенное значение», или «не имеет значения вообще».

Таблица 4 – Есть такое выражение – «человек с корнями». Эти «корни» связывают нас с предшествующими поколениями (с их традициями, культурой), определяя наши «Я». Какие «корни» для Вас имеют то или иное значение?, в%, 2023-2024, (распределение по типам поселений в Республике Башкортостан)

Постифигуративные основания идентичности	В городе (включая поселки в пределах городского округа)			На селе		
	первостепенное	второстепенное	не имеют значения	первостепенное	второстепенное	не имеют значения
Семейные корни	74,8	14,2	11,1	82,9	10,5	6,7
Родственные (кроме семьи) корни	37,9	47,4	14,8	44,4	48,3	7,3
Общечеловеческие корни	49,4	28,2	22,4	45,7	34,3	20,0
Корни малой родины	24,7	48,7	26,7	34,9	49,2	15,9
Российские корни	32,1	37,2	30,8	33,7	44,1	22,2
Национальные (этнические) корни	25,8	42,3	31,9	35,2	43,2	21,6
Корни моего региона	21,3	45,7	33,0	31,1	47,6	21,3
Профессиональные корни	22,0	36,6	41,4	21,0	45,4	33,7
Межнациональные (межэтнические) корни	16,3	40,9	42,8	18,4	40,0	41,6
Религиозные корни	17,2	32,2	50,6	25,4	34,6	40,0

Источник: результаты онлайн-опроса юношества «Кто Я? Кто Мы? в юности» по Республике Башкортостан (ноябрь 2023 – март 2024 гг.)

Говоря о территориальных различиях, отметим, что семейные и родственные связи являются безусловной ценностью для сельского юношества – лишь менее 10% заявили о том, что они не имеют для них значения (6,7% – в отношении семейных традиций, 7,3% – в отношении родственных связей и традиций). В условиях же города, даже эти примарные связи начинают ослабевать. Соответственно, 11,1% горожан признают, что для них не важны семейные традиции, а для 14,8% горожан не важны родственные связи.

Более значимыми для себя сельчане считают и корни малой родины, и страны, и этноса, и региона, и профессии, и, конечно, религии. Можно сделать вывод, что сельские жители более привержены традиционным ценностям, ориентированы на сохранение культуры, что находит отражение в более высокой оценке ими всех видов социальных связей с предшествующими поколениями, историей, народом.

Выводы. Постфигуративные основания конструирования идентичности современного юношества можно разделить на четыре группы по степени ослабления значимости: первая группа – семейные ценности и традиции собственной семьи; вторая группа – общечеловеческие ценности, родственные и общероссийские традиции; третья группа – обычаи и традиции своей этногруппы, традиции малой родины и региона (области, республики); четвертая группа – профессиональный опыт и традиции предшествующих поколений, религиозные и межэтнические (славянские, тюркские, угро-финские) традиции.

Воздействие процессов глобализации и развитие информационно-коммуникативных технологий, сопровождающиеся унификацией и фрагментацией традиционных культур и социокультурных норм, усиливают значимость глобальных и ослабляют влияние локальных компонентов в системе идентичности современного юношества.

В настоящее время под влиянием геополитических вызовов и в связи с активизацией действий российского государства в системе идентичности юношества усиливаются процессы укрепления общероссийской идентификации при одновременном небольшом снижении значимости этнического фактора в идентификации.

Гендерные различия по большинству оснований-детерминант идентичности проявляются, прежде всего, в характеристиках оценок значимости тех или иных оснований. Девушки более склонны к «мягким» оценкам значимости большинства факторов-детерминант по принципу «имеет значение, но не самое большое», тогда как юноши чаще демонстрируют «жесткие» оценки: одно и то же основание или «имеет первостепенное значение», или «не имеет значения вообще».

Сельское юношество более привержено традиционным ценностям, ориентировано на сохранение социокультурных образцов в паттернах своего поведения.

Список литературы:

1. Шайхисламов Р.Б., Асадуллина Г.Р., Садретдинова Э.В. Образ России настоящего и будущего в представлениях юношества: смыслогемы в условиях новых вызовов и возможностей // Society and Secutity Insights. 2023. Т. 6. № 1. С. 13-31. DOI: [10.14258/SSI\(2023\)1-01](https://doi.org/10.14258/SSI(2023)1-01). URL: <http://journal.asu.ru/ssi/article/view/12953/10843>.

2. Иванова Н.Л. Проблема психологического анализа социальной идентичности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3. № 4. С. 14–38. URL: <https://psy-journal.hse.ru/data/2011/04/26/1210843052/14-38.pdf>.
3. Фадеева А.А. Социальная идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: Издательство «Весь мир», 2017. С. 275–277.
4. Демин А.А. Ценностные основания формирования идентичности сообщества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 2 (52). Ч. I. С. 73–78. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2015_2-1_20.pdf.
5. Авдеев Е.А., Ерохина М.Е. Ценностные основания идентичности молодежи Северного Кавказа // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 1 (65). С. 56–65. URL: [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/18115942_2022_-_1\(65\)_unicode/7.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/18115942_2022_-_1(65)_unicode/7.pdf).
6. Тельнова Н.А. Специфика формирования социальной идентичности // Вестник Волгоградского государственного университета. 2012. № 2 (17). С. 5–10. URL: https://volsu.ru/struct/generalservices/publish/vestniki/lastmagazine/ser-7-philosophy-2-17-2012/1_%D0%A2%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf.
7. Малинкин А.Н. Ценности: может ли их изучать наука? К истории и методологии вопроса // Социологические исследования. 2024. № 4. С. 128–138. DOI: 10.31857/S0132162524040111. URL: <https://www.socis.isras.ru/files/File/2024/4/Malinkin.pdf>.
8. Вишневецкий Ю. Р., Дидковская Я. В., Зырянова О. Б. Матримониальные и репродуктивные установки молодежи в контексте безопасности молодой семьи // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 40–55. DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.3. URL: https://womaninrussiansociety.ru/wp-content/uploads/2024/04/online-%D0%96%D0%A0%D0%9E-2024-1_%D1%81-%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%BA%D0%BE%D0%B9-41-56.pdf.
9. Тучина О.Р. Ценностные основания самопонимания социальной идентичности молодежи Кубани // Научная мысль Кавказа. 2011. № 2 (66). С. 56–60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-osnovaniya-samoponimaniya-so-tsianoy-identichnosti-molodezhi-k-u-b-a-n-i>.
10. Горшков М.К., Тюрина И.О. Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 4. С. 720–739. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konsolidatsiya-rossiyskogo-obschestva-v->

usloviyah-sovremennyh-vyzovov-istoriko-sotsiologicheskii-i-tsennostno-mirovozzrencheskiy/viewer.

11. Рыжова С.В. Ценностные опоры российской идентичности в условиях внешних вызовов // Социологические исследования. 2024. № 9. С. 56-66. DOI: 10.31857/S0132162524090053. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2623&jn=53&j=85&y=2024&i=9.
12. Хухлаев О.Е., Александрова Е.А. и др. Идентификация с религиозной группой и этнонациональные установки буддистской, мусульманской и православной молодежи // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 14. № 3. С. 71–82. DOI: 10.17759/chp.2019150308. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2019_n3/Khukhlaev_Aleksandrova_Gri_tsenko.
13. Быков А.В., Настина Е.А. Взаимосвязи ценностных установок и карьерных достижений (по данным исследования молодежи) // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 67-77. DOI: 10.31857/S013216250009288-9. URL: <https://www.socis.isras.ru/files/File/2020/8/Bykov.pdf>.
14. Гайфуллин А.Ю. Профессиональные ориентиры и карьерные установки современной учащейся молодежи: социологический анализ // Уфимский гуманитарный научный форум. 2021. № 3 (7). URL: https://gumforum.ru/wp-content/uploads/2021/10/2021_7_Gajfullin-A.Ju..pdf.
15. Гайфуллин А.Ю. Профессиональные ориентиры сельской молодежи: социологический анализ // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024. № 3 (19). URL: https://gumforum.ru/wp-content/uploads/2024/10/2024_19_Gajfullin-A.Ju.pdf.

References:

1. Shaikhislamov R.B., Asadullina G.R., Sadretdinova E.V. The image of Russia of the present and future in the minds of young people: meaning-gemes in the context of new challenges and opportunities // Society and Security Insights. 2023. Vol. 6. No. 1. Pp. 13-31. DOI: 10.14258/SSI(2023)1-01. URL: <http://journal.asu.ru/ssi/article/view/12953/10843>.
2. Ivanova N.L. The problem of psychological analysis of social identity // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2006. Vol. 3. No. 4. Pp. 14–38. URL: <https://psy-journal.hse.ru/data/2011/04/26/1210843052/14-38.pdf>.
3. Fadeeva A.A. Social identity // Identity: Personality, society, politics / Ed. I.S. Semenenko. Moscow: Ves Mir Publishing House, 2017. Pp. 275-277.
4. Demin A.A. Value foundations for the formation of community identity // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Theoretical and practical issues. 2015. No. 2 (52). Part I. С. 73-78. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2015_2-1_20.pdf.
5. Avdeev E.A., Erokhina M.E. Value Foundations of Identity of the North Caucasus Youth // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2022. No. 1 (65). P. 56–65. URL:

[http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/18115942_2022_-_1\(65\)_unicode/7.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/18115942_2022_-_1(65)_unicode/7.pdf).

6. Telnova N.A. Specifics of the Formation of Social Identity // Bulletin of the Volgograd State University. 2012. No. 2 (17). P. 5–10. URL: https://volsu.ru/struct/generalservices/publish/vestniki/lastmagazine/ser-7-philosophy-2-17-2012/1_%D0%A2%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf.
7. Malinkin A.N. Values: Can Science Study Them? On the History and Methodology of the Issue // Sociological Research. 2024. No. 4. P. 128-138. DOI: 10.31857/S0132162524040111. URL: <https://www.socis.isras.ru/files/File/2024/4/Malinkin.pdf>.
8. Vishnevsky Yu. R., Didkovskaya Ya. V., Zyryanova O. B. Matrimonial and reproductive attitudes of young people in the context of the security of a young family // Woman in Russian society. 2024. No. 1. P. 40-55. DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.3. URL: https://womaninrussiansociety.ru/wp-content/uploads/2024/04/online-%D0%96%D0%A0%D0%9E-2024-1_%D1%81-%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%BA%D0%BE%D0%B9-41-56.pdf.
9. Tuchina O.R. Value Foundations of Self-Understanding of Social Identity of Kuban Youth // Scientific Thought of the Caucasus. 2011. No. 2 (66). P. 56-60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-osnovaniya-samoponimaniya-so-tsialnoy-identichnosti-molodezhi-k-u-b-a-n-i>.
10. Gorshkov M.K., Tyurina I.O. Consolidation of Russian Society in the Context of Modern Challenges: Historical, Sociological and Value-Worldview Contexts // Bulletin of RUDN. Series: Sociology. 2023. Vol. 23. No. 4. P. 720–739. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konsolidatsiya-rossiyskogo-obschestva-v-usloviyah-sovremennyh-vyzovov-istoriko-sotsiologicheskoy-i-tsennostno-mirovozzrencheskiy/viewer>.
11. Ryzhova S.V. Value pillars of Russian identity in the context of external challenges // Sociological studies. 2024. No. 9. P. 56-66. DOI: 10.31857/S0132162524090053. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2623&jn=53&j=85&y=2024&i=9.
12. Khukhlaev O.E., Aleksandrova E.A. et al. Identification with a religious group and ethnonational attitudes of Buddhist, Muslim and Orthodox youth // Cultural and Historical Psychology. 2019. Vol. 14. No. 3. Pp. 71–82. DOI: 10.17759/chp.2019150308. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2019_n3/Khukhlaev_Aleksandrova_Gri_tsenko.
13. Bykov A.V., Nastina E.A. The relationship between value attitudes and career achievements (according to the youth study) // Sociological studies. 2020. No. 8. P.

- 67-77. DOI: 10.31857/S013216250009288-9. URL: <https://www.socis.isras.ru/files/File/2020/8/Bykov.pdf>.
14. Gaifullin A.Yu. Professional guidelines and career attitudes of modern student youth: a sociological analysis // Ufa Humanitarian Scientific Forum. 2021. No. 3 (7). URL: https://gumforum.ru/wp-content/uploads/2021/10/2021_7_Gajfullin-A.Ju..pdf.
15. Gaifullin A.Yu. Professional guidelines of rural youth: sociological analysis // Ufa Humanitarian Scientific Forum. 2024. No. 3 (19). URL: https://gumforum.ru/wp-content/uploads/2024/10/2024_19_Gajfullin-A.Ju.pdf.

Сведения об авторах:

Садретдинова Эвеллина Винеровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», 450076, Республика Башкортостан, город Уфа, Заки Валиди, д. 32, golichev@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-1665-5370.

Коровкина Наталья Владимировна, старший преподаватель кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», 450076, Республика Башкортостан, город Уфа, Заки Валиди, д. 32, korovkina-natalya@list.ru. ORCID ID: 0000-0003-1716-109X.

Author personal details:

Sadretdinova Evellina Vinerovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, 450076, Republic of Bashkortostan, Ufa, bld. 32 Z. Validi St., golichev@mai.ru. ORCID ID: 0000-0003-1665-5370.

Korovkina Natalya Vladimirovna, Senior lecturer of the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, 450076, Republic of Bashkortostan, Ufa, bld. 32 Z. Validi St., korovkina-natalya@list.ru. ORCID ID: 0000-0003-1716-109X.

© Садретдинова Э.В., Коровкина Н.В.